

Порядок рассмотрения дел о преступлениях против королевской власти в германских «варварских королевствах» VI-IX вв. н.э.

С. В. Санников

В изучении истории государственных институтов и права остается недооцененной роль изучения судебного процесса как явления, позволяющего не только реконструировать элементы правовой системы общества, но и уточнить культурные, идеологические, и политико-правовые основания того или иного политического режима. Данная проблема особенно актуальна на настоящем этапе исторических исследований, когда отечественные авторы вплотную приблизились к пересмотру взглядов на правовую сущность институтов раннесредневековой государственности¹.

Целью настоящего исследования является реконструкция и анализ порядка рассмотрения дел о преступлениях против королевской власти в рамках германских «варварских королевств» VI-IX вв.² Задачами исследования являются реконструкция на основании существующих правовых памятников этапов судебного процесса по делам о преступлениях против королевской власти, выявление полномочий сторон данного процесса, анализ влияния норм римского права и германских правовых обычаев на характер представлений о природе рассматриваемых дел и порядок их рассмотрения.

В рамках судебного процесса по рассматриваемым делам, являющегося объектом нашего исследования, можно условно выделить этапы досудебного и судебного рассмотрения дела, в ходе которых совершались, соответственно, процедуры сбора необходимой информации и рассмотрения дела в соответствии с нормами обычного права. Инициатором судебного дела о преступлении против королевской власти могло выступить как частное лицо, так и магистрат, о чем говорят как историографические свидетельства, так и правовые памятники. В частности, обвинителями сановника Северина Боэция, осужденного остготским королем Италии Теодорихом Амалом на смертную казнь за посягательство на восстановление «римских свобод» (т.е. преступление против королевской власти), выступили трое опальных королевских придворных – Василий, Опилон и Гауденций, когда они уже были, по всей видимости, частными лицами³. Другим примером может служить дело Григория Турского, который был обвинен в оскорблении величества королевы франкским графом Левдастом⁴.

Сборники норм римского права, составленные в германских «варварских королевствах», сохранили положение о расширенном составе

---

¹ См.: Глебов А.Г. О некоторых особенностях раннесредневековой государственности в Западной Европе // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М., 2008. С.11-19.

² Необходимо отметить, что данная тема специального рассмотрения в науке до сих пор не получила.

³ Боэций. Утешение философией. М., 1990. С.198.

⁴ *Historia francorum* (V, 49). Русскоязычный перевод см.: Григорий Турский. История франков. М., 1987.

потенциальных обвинителей по делам о *crimen laesae maiestatis*⁵. В частности, «Римский закон бургундов» (*Lex Romana Burgundionum*) сообщает, что «те, кто не имеет права обвинения, в соответствии с законами, это: не обвиняет ни раб господина, или либертин патрона, или членов его семьи, кроме только преступлений против величия (*crimen maiestatis*)»⁶. Аналогичная норма, воспринятая из римского законодательства⁷, содержится в «Римском законе вестготов» (*Lex Romana Wisigothorum*)⁸, а также транслируется в комментарии к законодательству лангобардов «*Liber Papiensis*»⁹. Остготский «Эдикт Теодориха» (*Edictum Theodorici regis*) также предписывает принимать свидетельства подвластных лиц при обвинениях в *crimen maiestatis*¹⁰.

Помимо частного лица или магистрата обвинителем мог выступать некий *advocatus de Parte Publica* (адвокат общественной стороны), упоминаемый в средневековой комментарии к *Liber Papiensis*, статус которого не вполне ясен, поскольку германцы не знали специализированного института адвокатов или практикующих юристов. Из контекста документа следует, что данное лицо выполняло функции своего рода общественного обвинителя, и не исключено, что в данной роли мог выступить один из членов королевского совета или королевских придворных. Определенную пикантность данной роли придает то, что этот «адвокат» должен был в случае присутствия обвиняемого в суде защищать имя короля в поединке с обвиняемым, а в случае поражения мог быть передан вместе со всем своим имуществом в руки обвиняемого¹¹.

Вопрос о том, мог ли король выступать обвинителем в судебном процессе лично, решается, на мой взгляд, в пользу отрицательного ответа. Вестготский кодекс «Судебная книга» (*Liber Iudiciorum*) содержит предписание о том, чтобы властители и епископы не представляли свои дела в судах лично, а пользовались для этого услугами подвластных лиц, поскольку «если король решит вести свое дело в суде лично... кто же решится противостоять ему?»¹². Уместно напомнить о том, что король, как носитель высшей судебной власти в германских «варварских королевствах», стоял при решении вопросов жизни и смерти над законом¹³, его персона была

---

⁵ *Crimen laesae maiestatis* – букв. «преступление умаления величия», термин, перешедший из римского публичного права в средневековую юридическую терминологию. Обозначал широкий спектр преступлений против фигуры правителя и институтов государственной власти.

⁶ *Lex Romana Burgundionum*, 7.5. Перевод с латинского мой – С.С. Текст источника на языке оригинала доступен в сети Интернет: <http://webu2.upmf-grenoble.fr/Haiti/Cours/Ak/>

⁷ *Digestae*, 48, 4, 7-8.

⁸ *Lex Romana Wisigothorum*, Liber IX, Titulus III, Ne praeter crimen maiestatis servus dominum vel patronum libertus seu familiaris accuset, hoc est, si accusaverint, non credantur, sed magis puniendi sunt.

⁹ См. *Expositio ad Librum Papiensem*, глосса к титулу 9 Эдикта Ротари // *Monumenta Germaniae Historica. Leges Langobardorum*. Текст источника на языке оригинала доступен в сети Интернет: www.dmgh.de/

¹⁰ *Edictum Theodorici regis*, 49. Hoc etiam de familiaribus servari debere censemus, qui cuiuslibet familiaritati vel domui inhaerentes, delatores aut accusatores emergerint: excepto tamen crimine maiestatis.

¹¹ См.: Шервуд Е.А. Законы лангобардов: обычное право древнегерманского племени (К раннему этногенезу итальянцев). М., 1992. С.120.

¹² *Liber Iudiciorum*, III, 1. Текст памятника доступен в сети Интернет: <http://libro.uca.edu/vcode/visigoths.htm>

¹³ *Edictum Rothari*, II.

вне подозрения¹⁴, а его свидетельство не могло быть подвергнуто сомнению, и не нуждалось в подтверждении клятвой¹⁵. Очевидно, что обвинение королем кого-либо из подданных в измене влекло за собой немедленное признание вины обвиняемого и применение соответствующих санкций, причем, характер приговора зависел именно от степени убежденности короля в виновности обвиняемого. Известно, например, что в отношении обвиняемых в оскорблении короны священников «король передумал, он освободил их от оков и, не причинив им вреда, держал их в домах под стражей»¹⁶.

Спектр преступлений, относимых к *causa regis* (королевскому делу) был достаточно широк, и претерпевал определенные изменения в ходе эволюции самого института королевской власти. Не акцентируя внимание на развитии представлений о преступлениях данного рода, ограничимся лишь перечислением наиболее существенных преступлений, которые прослеживаются на основании компаративного анализа германских правовых памятников. Это покушение на жизнь короля, захват королевской власти или присвоение королевских полномочий, нарушение королевского мира или королевского покровительства, приведение врагов в королевство, посягательство на королевское имущество, а также оскорбление короны. Необходимо отметить, что комплекс представлений о преступлениях против королевской власти, отраженный в германских правовых памятниках, основан на синтезе правовых идей германского и римского происхождения¹⁷.

Дела, связанные с преступлениями против королевской власти, были подсудны королевскому суду в качестве суда первой инстанции. Закон короля лангобардов Ратхиса устанавливал, что если заявитель «пожелает говорить что-либо по делу короля, позволено тому прийти ко дворцу»¹⁸. Титулом 9 закона короля лангобардов Ротари было установлено, что обвинение о посягательстве на жизнь короля должно совершаться перед королем. Сходная практика, по всей видимости, была во всех германских варварских королевствах¹⁹. Исключение составляли дела, связанные с обвинениями в адрес высшего духовенства, поскольку в отношении них действовали нормы о подведомственности, установленные в 355 году указом императора Констанция, согласно которому епископы, обвиняемые в совершении уголовных преступлений, должны были отвечать перед судом епископов, и могли апеллировать к имперским апелляционным судам²⁰. Ход судебного процесса над Григорием Турским подтверждает то, что данный порядок подведомственности дел сохранял силу в королевстве франков и в VI в. н.э.

---

¹⁴ Liber Iudiciorum II, 7.

¹⁵ Wihtraed, 16.

¹⁶ Historia francorum (V, 49).

¹⁷ См., напр., Lex Romana Burgundionum, 7.6.

¹⁸ Цит. по: Шервуд Е.А. Законы лангобардов... С.120.

¹⁹ Lex Salica XVIII; Alfred, VII.

²⁰ См.: Джонс А.Х.М. Правосудие античного мира // Гибель античного мира. Ростов-на-Дону, 1997.

В комментарии к законодательству лангобардов сохранились формулы обвинения и описание процессуальных действий, совершавшихся в королевском суде в ходе слушания дела о посягательстве на жизнь правителя или безопасность государства. Текст содержит формулы и действия следующего содержания: «Петр, наш господин и император, или Павел, адвокат *pars publica*, говорит то, что ты советовался или умышлял против его жизни или жизни короля, или посмел бежать из земель, или пригласил или принял врагов короля в землях, или [различные другие обвинения]. «Я не совершал этого». Если обвинитель отсутствует, пусть он докажет невиновность клятвой, как говорят некоторые, с соприсяжниками; а если он присутствует, пусть обвиненный защитит себя в поединке; таким образом, однако, что когда он клянется, адвокат не поклялся прежде. Это согласно обычаю. Но согласно лучшим мнениям, он должен клясться один»²¹.

Кодекс короля Альфреда также оставлял возможность обвиняемому в посягательстве на жизнь короля защититься посредством очистительной клятвы, равной королевскому вергельду²². Вопрос о том, каким образом в германских варварских королевствах очистительная клятва применялась по отношению к римскому населению, требует дополнительного исследования. Из англосаксонского права известно, что чужестранец (*gest*) рассматривался в качестве специального субъекта права, который обладал правоспособностью, и имел возможность очистить себя клятвой у алтаря, произнося при этом формулу клятвы своего народа (*sylfes aðe*)²³.

Порядок принесения клятвы по делу, оцениваемому в двадцать и более солидов, требовал в соответствии с обычаями лангобардов принесения клятвы на святом евангелии (*ad euangelia sancta*) в сопровождении двенадцати соприсяжников²⁴. Предоставленная обвиняемому возможность защититься в поединке (*per samfionem*) также требовала выполнения определенных формальностей, в частности, судья должен был удостовериться, что лицо, вступающее в поединок, не имеет при себе колдовских снадобий или амулетов, «но лишь только свое оружие, о котором было договорено»²⁵.

В отношении священнослужителей процесс осуществлялся, по всей видимости, в соответствии с нормами канонического права, подтверждением чего может служить судебный процесс над Григорием Турский, который, будучи епископом города Тура, был подсуден собранию епископов. Согласно свидетельству самого подсудимого, собрание было созвано по поручению короля, и проходило в вилле Берни, куда прибыл и сам король. Было заслушано обвинение от одного из свидетелей – епископа города Бордо, и король произнес краткое обращение, содержание которого Григорий Турский

---

²¹ Цит. по: Radding C.M. *Legal Theory and Practice in Eleventh-Century Italy* // *Law and History Review*, № 21 (2003). P.377–382. Перевод мой – С.С.

²² Alfred, 4.1. Русскоязычный перевод см.: Хрестоматия по истории средних веков. Т. 1: Раннее средневековье. М., 1961.

²³ Wihtraed, 20. Перевод мой – С.С.

²⁴ Edictum Rothari, 359. См.: Шервуд Е.А. *Законы лангобардов...* С.59.

²⁵ Edictum Rothari, 368. Цит. по: Шервуд Е.А. *Законы лангобардов...* С.61.

передает следующим образом: «Обвинение, предъявленное моей жене, является позором и для меня. Итак, если вы считаете нужным вызвать свидетелей против епископа, то вот они здесь! Конечно, если вам кажется, что ничего этого не было и что епископу можно верить, то говорите, я охотно выслушаю ваше предложение»²⁶. После обсуждения было решено, чтобы обвиняемый, после того как отслужат мессу в трех алтарях, клятвой опроверг возлагаемые на него обвинения. Как отмечает Григорий Турский, «хотя это и противоречило канонам, однако было исполнено ради короля»²⁷. Таким образом, собрание епископов приняло решение о том, чтобы правосудие совершалось не в соответствии с нормами канонического права, а в соответствии с германским правовым обычаем, поскольку это соответствовало воле короля.

Неспособность обвиняемого очистить себя в королевском суде путем клятвы или поединка рассматривалось как свидетельство достоверности обвинения. В соответствии с законодательством лангобардов, в случае, если обвинитель сможет доказать «истинность [обвинения], против кого он говорил... пусть будет [тот], против кого доказали, осужден и получит приговор сообразно с достоинством дела»²⁸. В эдикте короля лангобардов Ротари содержится предписание о том, что «если кто-либо замышлял или совещался против жизни короля, подвергается смертной казни, и все вещи его конфискуются»²⁹. В вестготском законодательстве VII в. н.э. подробно раскрывается санкция за совершение преступления против жизни короля или королевской власти – виновный должен быть предан смерти, либо, если по милости короля ему сохранена жизнь, – лишен зрения, а все его имущество конфискуется в пользу короны³⁰. В произведении Павла Диакона «История лангобардов» сохранилось свидетельство о том, что когда некто Ансфрит, «не довольствуясь правлением герцогством фриульцев, восстал против Кунинкперта и попытался узурпировать королевскую власть», он был схвачен в Вероне и доставлен к королю, и тогда «у него были вырваны глаза, и он был отправлен в изгнание»³¹. Сходная расправа была учинена над герцогом Корволом, который «нанес оскорбление королю», после чего «у него были вырваны глаза, и он продолжал жить в позоре»³².

Терминология и содержание изложенных выше норм права, устанавливающих в качестве санкции за преступления против королевской власти смертную казнь и конфискацию имущества, подтверждают, что существенное влияние на процесс их позитивации в раннесредневековом германском праве оказало римское право. Наиболее четко римское влияние прослеживается в остготском «Эдикте Теодориха», в котором изложение нормы о конфискации имущества содержит ссылку «в соответствии с

---

²⁶ *Historia francorum* (V, 49).

²⁷ *Ibid.*

²⁸ Цит. по: Шервуд Е.А. Законы лангобардов... С.120.

²⁹ Цит. по: Шервуд Е.А. Законы лангобардов... С.17.

³⁰ *Liber Iudiciorum*, II, 6.

³¹ *Historia langobardorum* (VI, 3).

³² *Historia langobardorum* (VI, 25).

законом» (*secundum legum cauta*), по всей видимости, законом императоров Аркадия и Гонория, известном как «*Lex Quisquis*»³³. О том, что данная норма применялась в судебной практике остготского королевства свидетельствует произведение Северина Боэция, в котором автор отмечает, что был приговорен к смертной казни и конфискации имущества: «Меня же теперь, удалив на пятьсот миль, оставив без защиты, присудили к смерти и конфискации имущества»³⁴. На влияние римского права, по всей видимости, указывают и упомянутые Павлом Диаконом такие формы наказания, как «изгнание» и «жизнь в позоре», известные по римской правоприменительной практике.

Необходимо, однако, отметить, что, несмотря на очевидные факты влияния римского права на позитивацию рассматриваемых норм, нет достаточных оснований для вывода об их полной рецепции из римского права. Характерно, что нормы сходного содержания прослеживаются в англосаксонском праве, которое испытывало значительно меньшее влияние римского права, нежели право континентальных германцев: «Если кто-нибудь злоумышляет против жизни короля лично сам или посредством предоставления убежища изгнаннику, или одному из его людей, то он возместит своей жизнью и всем, чем владеет»³⁵. Памятники раннесредневековой историографии дают основания полагать, что посягательство на жизнь или власть короля в древнегерманских обществах также могло караться смертной казнью, как, например, в случае расправы, учиненной королем Эрманарихом над Сунильдой в наказание за измену ее братьев³⁶. При этом известно, что в традиционных германских обществах лицо, виновное в преступлении, могло быть объявлено тингом вне закона, после чего потерпевший имел право наложить руку на имущество преступника³⁷.

Исходя из этого, можно высказать предположение о том, что развитие представлений о преступлениях против публичной власти складывалось в римском и германском обществах разными путями, однако, активное взаимодействие данных представлений происходило в V-VI веках, и выражалось, преимущественно в форме влияния римского права на позитивацию норм о *crimen laesae maiestatis* в германских правовых памятниках. Характер данных норм подтверждает, что король рассматривался в рамках германских «варварских королевств» как лицо, статус которого регулировался нормами публичного права.

Таким образом, выполненный анализ позволил реконструировать основные этапы судебного процесса по делам о преступлениях против

---

³³ Императорское постановление 397 года, вошедшее в Кодекс Юстиниана, в соответствии с которым виновный в «умалении величия» подлежал казни, а его имущество – конфискации в пользу фиска. Дети осужденного присуждались к наказанию бесчестьем.

³⁴ Боэций. Утешение философией... С.198.

³⁵ Цит.по: Хрестоматия по истории средних веков. Т. 1: Раннее средневековье... С. 609.

³⁶ *Getica*, § 129. См.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов (*Getica*) - Вступит.статья, пер., коммент. Е.Ч.Скржинской / Иордан - М., 1960.

³⁷ См.: Сага о Храфнкеле годи Фрейра // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973.

королевской власти, уточнить полномочия сторон данного процесса, а также установить, что римская доктрина о преступлениях против «величия» была интегрирована в правовую систему германских «варварских королевств», что является еще одним аргументом против представлений о сугубо частноправовом (патримониальном) характере раннесредневековых государственных институтов³⁸.

---

³⁸ О данных представлениях и их критике более подробно см.: Глебов А.Г. О некоторых особенностях раннесредневековой государственности в Западной Европе // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М, 2008. С.11-19.